

КОНЬ ГЕРОЯ В КАЛМЫЦКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКЕ И В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Манджиева Б.Б. ¹

¹ФГБУН Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Илишкина, 8), e-mail: mbbairta@yandex.ru

Статья посвящена изучению образа коня героя в калмыцких богатырских сказках и в героическом эпосе «Джангар». В фольклоре монгольских народов одной из излюбленных тем является тема описания коня богатыря. Магтал коню наиболее своеобразный и характерный жанр фольклора кочевников, известный как самостоятельный жанр и как вставные «стихотворные, поющие описания» в эпосе. Описание красоты и достоинств коня, существующее в форме традиционного магтала (хвалы), имеет широкое распространение в эпической поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов. Тема подготовки коня богатыря присутствует во многих сюжетных ситуациях и каждый раз разрабатывается по-разному, в зависимости от художественно стилистического своеобразия произведения. В сказке и эпосе различных народов упоминаются принадлежности конского снаряжения с разными отличиями, но с одной и той же полнотой и любованием. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что в богатырской сказке и в героическом эпосе богатырь неразрывно связан с конем, который является и спутником и помощником героя. С помощью коня герой достигает необходимой цели, совершает богатырские подвиги и побеждает врага.

Ключевые слова: калмыцкая богатырская сказка, эпос «Джангар», конь, богатырь, масть коня, седлание, описание, мотив.

HORSE HERO IN KALMYK HEROIC TALE AND THE HEROIC EPIC "JANGAR"

Mandzhieva B.B.

Federal state budgetary institution of science Kalmyk institute of humanitarian researches of the Russian Academy of Sciences, e-mail: mbbairta@yandex.ru

The article is devoted to the study of the image of the horse hero in Kalmyk heroic tales and heroic epic Jangar. In the folklore of Mongolian peoples one of the favorite themes is the theme of the description of the horse hero. Magcal the horse most peculiar and characteristic genre of folklore nomads, known as a genre and as a plug-in "verse, sung descriptions" in the epic. Description of the beauty and dignity of the horse, existing in the form of traditional Magdala (praise), has a wide distribution in the epic poetry of the Mongol and Turkic peoples. The preparation of the horse hero's story is present in many situations and each time is developed in different ways, depending on the art and stylistic originality of the work. In the tale and the epic of various peoples mentioned accessories harness with different differences, but with the same completeness and admiration. As a result of the analysis the author comes to the conclusion that in the heroic tale and the heroic epic hero is inextricably linked with the horse, which is both a companion and helper to hero. With the help of a horse, the hero reaches the required targets, performs heroic feats and defeats the enemy.

Keywords: Kalmyk heroic fairy tale, epic "Dzhangar" horse, warrior, color horse, sedlание, description, motif.

В духовной культуре кочевников, в народных верованиях и обрядах, в фольклоре конь занимает видное место, именно благодаря верховому коню устанавливались различные контакты между кочевым и оседлым населением.

В калмыцкой фольклористике традиционная тема коня рассматривалась в разных аспектах: в тууль-улигерном эпосе [9], в сказках [1], калмыцком героическом эпосе «Джангар» [8, 12, 3], в обрядовой поэзии [2], в калмыцких пословицах и поговорках [10]; в обрядовой культуре кочевников [14]; в свадебной традиции [19]. Мотив добывания коня в тууль-улигерном эпосе обстоятельно был рассмотрен А. Ш. Кичиковым, по мнению ученого данный мотив имеет ряд вариантов, в зависимости от сюжетного движения сказания:

1. Герой может получить коня «в готовом виде»;
2. Конь находит героя, спускаясь с неба;
3. Коня приводит герою «дядюшка» Ак-Сахал;
4. Герой обретает коня в борьбе, ценой богатырских усилий (наиболее распространенный вариант мотива) [8].

В калмыцкой богатырской сказке «Хар Һалзн мөртэ Хадр Хар Авһин хан Сөнэк» (Хадар Хара Авги хан Сёняке, владеющий конем Хара Галзан) чудеснорожденный герой находит своего предназначенного коня, который только что родился, но жеребенок настолько силен, что герой не может оторвать его от вымени матери-кобылицы. После продолжительных усилий герою все же удается его оседлать, но жеребенок просит своего хозяина отпустить его напиться материнского молока [4, с. 118-119]. Выкармливание коня показывает, что дело не просто в питании животного. Кормление придает коню волшебную силу. В сказке «Хадар Хара Авги хан Сёняке» конь героя набирается такой силы, что «Когда [конь] ступал, то от его следа оставались ямы, подобные дну старых колодцев, земля, отлетавшая из-под копыт, холмы Борзатын Бор образовывала, пена, что выделялась из носа, подобна была двум истокам океана...» [4, с. 119].

Прекраснейшие описания коня, воспевающегося в сказках, эпосе и в других жанрах фольклора соответствовали эстетическим запросам аудитории. «Конь в покое и в движении, его масть и экстерьер, его поступь (аллюр) относятся к высшим представлениям о прекрасном» [8, с. 25]. Известно, что масть коня, на котором ездит богатырь, входит как эпитет в его собственное имя. Об изображении наречения именами героя и его коня (указание на предназначенного коня) в качестве одновременного акта свидетельствует богатырская сказка «Ашнь Алг мөртэ Амн Цаһан» ([Богатырь] Аман Цаган, владеющий конем Ашинь Алаг) [6, с. 49]. Так, герой сказки по совету своего предназначенного коня нарекает себя именем: «Аман Цаган (Белые Врата) имя мое отныне, а ты будешь моим скакуном «Ашинь Алагом», – говорит юноша своему коню [6, с. 49]. Такое одновременное наречение именами чудеснорожденного наследника и его коня отражает обряды, связанные с совершеннолетием, первым подвигом героя, а в богатырской сказке «Ашнь Алг мөртэ Амн Цаһан» ([Богатырь] Аман Цаган, владеющий конем Ашинь Алаг) с уничтожением врага Тёгя Бюса [6, с. 50-51]. Об изображении наречения именами героя и его коня (указание на предназначенного коня или его дарение духом-заячи) в качестве одновременного акта свидетельствует эпос алтайцев и шорцев. Так, Когутэю (из алтайского эпоса) небожителями Уч-Курбустан дано имя Кускун-Кара-Матыр – Ездивший на Бархатно-Вороном Коню; «Алтын-Кылыш (Золотой Меч) имя твое отныне, на бело-яблочном коне по имени Ак-Коят будешь ездить», – говорит «седой старичок» будущему герою шорского эпоса.

В калмыцком фольклоре встречаются как «основные фоновые масти» [16, с.101] коней: «зеерд» (рыжая), «цаһан» (белая), «хар» (вороная), «кеер» (бурая), «хул» (саврасая), «хоңһр» (соловая), «бор» (серая), «алг» (пегая), «һалзн» (с лысинкой, с белой полосой), «саарл» (буланный), так и ее производные – долңһр зеерд, улан зеерд, буурл цаһан, хар хул, улан хоңһр, бор хоңһр, күрң һалзн и т.д. В калмыцких богатырских сказках встречаются такие масти коней как «ашнь алг» (белобокий), «хар һалзн» (черный с лысиной), «чилм хар» (вороной), «сагсг саарл» (буланный), «хар хул», «шарһ» (соловая), «бурхн зеерд» (рыжая), «кеер» (бурая), «хурдн алг» (пегий), «амнь һалзн» (с белой мордой), «кеер» (бурая), «халтр» (гнедой с желтоватыми подпалинами) [6, 7] и многие другие.

Как в богатырских сказках калмыков, так и в героическом эпосе «Джангар» присутствует традиционная тема «магтал коню». Магтал коню наиболее своеобразный и характерный жанр фольклора кочевников, известный как самостоятельный жанр и как вставные «стихотворные, поющиеся описания» в эпосе. Описание красоты и достоинств коня существующий в форме традиционного магтала (хвалы), имеет широкое распространение в эпической поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов. Магтал коню как самостоятельный жанр известен с глубокой древности, А. П. Окладников приводит свидетельство о проникновении таких восхвалений коням у кочевников в китайские древние письменные памятники: «... страна гулиганей... производила «превосходных лошадей, которые... сильны, рослы; в день могут пробегать по нескольку сот ли». Император Тайцун принял таких лошадей, присланных ему, был восхищен ими «и всех вместе назвал «десять скакунов», каждому скакуну в отдельности дал славное имя и затем посвятил им особую поэму» [13, с. 317-318].

В богатырской сказке и «Джангаре» боевой конь воспевается при помощи украшающих эпитетов, устойчивых сравнений и других поэтических образов. Ю. М. Соколов калмыцкий героический эпос «Джангар» называет «эпосом прославленных всадников» и отмечает, что «ни один эпос не уделил столько любовного внимания обрисовке коня, ухода за ним, его повадок, красоты, его качеств» [17, с. 24]. Б. Л. Рифтин в статье «Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей» (Магтал коню и всаднику) отметил важную особенность темы как «расчлененное» описание коня, то есть «по частям», с явной гиперболизацией [18]. С той же схематичностью эта константа разработана в богатырской сказке «Цөн малта Цөңгтл гидг эмгн өвгн хойр» (Старик и старуха Ценгетел, имеющие мало скота) [7, с. 135-140] и в песнях «Джангара». В калмыцких циклах «Джангара» «снаряжение коня для похода является не только обязанностью, но и прерогативой сайда-конюшего, который известен под именем Мангна (Боро-Мангай, Буру-Мангай)», [5, с. 253], а в прологе Малодербетовского цикла в этой роли выступает конюший

богатыря Хонгора Кюкен-Цаган. Это прежде всего связано с социальным и служебным статусом богатыря, который отсутствует в синьцзян-ойратской эпической традиции, где отражаются слабые представления о феодально-иерархическом статусе эпических персонажей, в роли конюха выступает сам богатырь [20, с. 480], а в богатырской сказке «Цөн малта Цөңгтл гидг эмгн өвгн хойр» (Старик и старуха Ценгетел, имеющие мало скота) – девочка двух лет, которая отправляется на поиски исчезнувшего брата [7, с. 135-136].

В героическом эпосе «Джангар» конь любовно описан «по частям»: Прекрасна, как у зайца, его спина. / Прекрасны гладкие бедра его, / Прекрасны, как у тушканчика, передние ноги его, / Картинно-прекрасна его голова, / Прекрасны сверлящие буравом глаза, / Прекрасна широкая грудь у него; / Четыре черных копыта – / Словно глубокие золотые чаши. В богатырских сказках данная формула-описание отсутствует, после описания седлания коня следует традиционная тема одевания героя [4, с. 119-120; 7, с. 136].

Тема подготовки коня богатыря присутствует во многих сюжетных ситуациях и каждый раз разрабатывается по-разному, в зависимости от художественно стилистического своеобразия произведения. В сказке и эпосе различных народов упоминаются принадлежности конского снаряжения с разными отличиями, но с одной и той же полнотой и любованием. К предметам конского снаряжения относятся: седло с подушкой и стременами, потники, подпруги, подхвостник, нагрудник, узда и уздечка, поводья, подшейная кисть, а также аркан, пугы, торока, переметные сумы и пр. В «Джангаре» процесс седлания происходит в динамике. Каждый раз, когда производят последующую операцию седлания, конь находится в движении: кладут «многослойный серебряный подпотник» – «конь ровно семь тысяч раз подпрыгнул», затем когда «плотный серебряный потник» положили, скакун «задрожал упираясь» (назначение потников – не допустить стертости кожи на спине коня, а также символизирует длительность поездки, трудность похода); затем положили «гороподобное серебряное седло» с «лхасского золота подхвостником». Седло является символом воинской полноценности мужчины, его достоинства. В эпосе седло описывается очень подробно со всеми принадлежностями и в соответствии с действительными особенностями его у коневодческих народов. Описание седлания дается следующим образом: кладут «турфанского золота подушку», далее, конюший переходит к подпруге «переднюю серебряную подпругу с двадцатью пятью изукрашенными «застежками» так затянул, что «Кёкё-Галзан заржал-застонал»; «Шестьдесят шесть задних подпруг» туго-претуго затянул, что «на белой брюшине кожа коня полопалась», затем застегивают «семьдесят две нарядных застежки нагрудника» и седлание завершается тем, что «на луку гороподобного серебряного седла тесьмовые белые поводья надели» – и скакун заплясал, ведомый за олений прекрасный чумбур» [5, с. 58].

Версия Ээлян Овла к этому добавляет: в седлании участвуют «пятидесяти сайдов сыновья», удерживая за чембур коня, раскидывающего их «в разные стороны» [5, с. 409]. Менее детальное описание орнамента убора переходит к сдержанному описанию самого коня, как бы выстоянного в процессе седлания: «Резвость-быстроту свою к прекрасным, как у тушканчика, передним ногам подобрал, Всю красоту свою к крупу подобрал, Остроту свою к двум глазам своим подобрал; Челкой своей с луной-солнцем заиграл» [5, с. 9].

Подготовка коня к походу в разных версиях идет по общему плану, различия обнаруживаются прежде всего в деталях и объеме. В синьцзын-ойратской традиции в роли конюшего-стремянного выступает сам богатырь. Представления о богатырях как одиночках здесь оказываются настолько традиционными, что один из главных богатырей Хонгор, присутствующий при Джангаре, готовясь отправиться в поход, ловит своего Бурхан-Боро-Галзана, затем как герой-одиночка все этапы подготовки коня исполняет сам: «Подпотник, [именуемый] серебро «сал», / Свалянный из шерсти, чесаной, без бриться, / На прекрасный, как рыбий, хребет клал, / Хлопково-белый потник, / Свалянный из шерсти, что теребили / Сто старух, уплотняли-сбивали / Семьдесят старух, а кроили, / К полю примерив, сверху клали / Тяжелое черное седло «муджил», / Сработанное к холму примерив, / С боковинами из дерева «хагир», / С луками из дерева «бюгюр», / Седлал-клал с грохотом звоном. / На правую сторону перейдя, подтягивал шестьдесят шесть заячих подпруг узорчатых, / На левую сторону перейдя, подтягивал / Шестьдесят шесть передних подпруг узорчатых. / Нагрудник из серебра «ком» [против] основания сердца привесил. / Подхвостник из серебра «хул», / Тазовые выступы придавив, / Под хвост пропустил...» [20, с. 74], то есть здесь наблюдаются слабые представления о феодально-иерархическом статусе богатыря в синьцзын-ойратской традиции.

Традиционная тема одевания героя является заключительным актом его подготовки к предстоящей миссии [5, с. 58-59; 7, с. 136; 4, с. 119-120]. В малодербетовском цикле (1862 г.), снарядившись, Хонгор спешно выходит из ставки, «едва успев коснуться бронзового стремени», как конь, «взмыв до небес», на землю опустился» [5, с. 59]. Богатырский конь, как и его хозяин, обладает чудесными свойствами, одна из его способностей это умение летать над землей. В эпосе для коня Хонгора Кёкё-Галзана характерен бег-полет: «конь, взмыв до небес, на землю опустился» полет сказочно гиперболизирован «девяносто миллионов раз взмывал». В беге коня Хонгор всегда выделяется из 3-х тысячного строя богатырей-телохранителей, а его конь равный хозяину также выделяется над «обыкновенными кюлюками»: Эңгийн хорвн миңһен баатрась / Эрвелзегсен Хоңһр / Ээмцэһэн үлү һарад йовдг. / Эңгийн хорвн миңһен күлгәсе / Арслың Көке Һалзын күлег / Арслың цаһан чээжицэһэн / Үлү һарад, өлкэдэд йовдаг... (Стремительный Хонгор / Под

трехтысячным строем обыкновенных богатырей / На целую голову возвышался. / В яростном беге вперед устремившегося / Львиноподобного кюлюка Кёкё-Галзана / Львиная светлая грудь / Над обыкновенными кюлюками вознеслась... [5, с. 59].

В сказке «Хадар Хара Авги хан Сёняке» сказитель Санджи Бутаев дает гиперболизированное описание бега коня: «Ишкэд орксн ишкдүрнь хуучн худгин йорал болна, шавхагаснь өрсн шаврнь Борзатын бор довун болсн, хойр хамраснь харсн бор көөснь хойр эктэ дала болна, хойр нүднэснь харсн халнь хойр эктэ түүмр болна. Теңгр-һазр ниргүлсн, Хар халзн гүүһэд күрэд ирнэ» (Когда [конь] ступал, то от его следа оставались ямы, подобные дну старых колодцев, земля, отлетающая из-под копыт, холмы Борзатын Бор образовывала, пена, что выделялась из носа, подобна была двум истокам океана, глаза сверкали, будто два пламени, вспыхнувшие на пожаре. Хара Галзан так скакал, что земля и небо сотрясались) [4, с. 119].

У разных народов наблюдается сходство типических мест, связанных с пылью, поднимаемой конем, например, в якутском эпосе «сухая пыль взвилась клубами вверх, густою мглой дух захватывало от езды его и обволакивало тьмою кромешною, так тронулся в путь он». В алтайском эпосе: «...поднялась черная пыль такая, что не видно (стало) конского уха» [11, с. 90].

В калмыцком эпосе богатыри, ориентируясь на ту сторону, откуда идет столб пыли определяют всадника:

Шикерлүһиин үзег талась
Шилтэ улан тоосън харвь:
– Ширкиин Хоңһьриин тоосън билтэ,
гижи,

Со сторон Шикирлюка
Хрустально красный столб пыли возник:
– Видимо, пыль Хонгором, сыном Ширке,
поднята, – говорят.
[5, с. 60-61]

Пыль, поднятая конем, показывает не только быстроту, мощь и бег коня, но и направляет развитие дальнейших действий эпоса.

Таким образом, в фольклоре монгольских народов тема описания коня богатыря является одной из любимых тем. Как в богатырской сказке, так и в героическом эпосе богатырь неразрывно связан с конем, который является и спутником и помощником героя. С помощью коня герой достигает необходимой цели, совершает богатырские подвиги и побеждает врага.

Список литературы

1. Биткеев Н.Ц. Калмыцкие сказки Санджи Бутаева // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. – Уфа: Изд-во Башкирского госуниверситета, 1977. – С. 43-49.

2. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. — С. 510.
3. Бурькин А.А., Басангова Т.Г. Типология калмыцкого фольклора. — Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. — С. 50-56.
4. Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971-1978 годов. — Элиста: КИГИ РАН, 2008. — 308 с.
5. Джангар. Калмыцкий героический эпос / Сост. А. Ш. Кичиков; Ред. Г. И. Михайлов. — М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. — Т. 1. — 441 с.
6. Калмыцкие народные сказки. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. — 159 с.
7. Калмыцкий фольклор. Сост.: Леджинов Ц.О., Шалбуров Г.М. — Элст: Хальмг госиздат, 1941. — 466 с.
8. Кичиков А.Ш. Героический эпос “Джангар”. Сравнительно-типологическое исследование памятника. — М.: “Восточная литература”, 1992. — 320 с.
9. Кичиков А.Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Учитель, ученый, просветитель. Профессор А.Ш. Кичиков. — Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. — С. 131-163.
10. Надбитова И.С. Образ коня в калмыцких пословицах и поговорках //Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11-14 сентября 2012 г.). — Элиста: КИГИ РАН, 2012. — С. 283-287.
11. Никифоров Н.Я. Собрание сказок алтайцев с примеч. Г. Н. Потанина // Зап. ВСОРГО. — Омск, 1915. — Т. XXXVII. — 293 с.
12. Овалов Э.Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар». — Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. — 302 с.
13. Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. — М.-Л.: АН СССР, 1955. — 430 с.
14. Очир-Горяева М.А. О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 5. — Элиста: КИГИ РАН, 2011. — С. 126-138.
15. Рифтин Б.Л. Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. — М.: Наука, 1982. — С. 70-92.
16. Содномпилова М.М., Нанзнатов Б.З. Зөв зус, или “правильная” масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник БНЦ СО РАН — 2014 №3 (15) — С.100-116.
17. Соколов Ю. М. Джангар и эпос народов СССР // Сборник материалов, посвященных 500-летию калмыцкого народного эпоса. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. — С. 24-29.

18. Рифтин Б. Л. Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. — М.: Наука, 1982. — С. 70-92.
19. Хабунова Е.Э. Вербальное и ритуальное оформление современной калмыцкой свадьбы «хальмг хүрм». [Текст]. — Элиста: НПП «Джангар», 2010. — С. 12.
20. Жангар. Такил Зула хаани ачи Тангсаг Бумба хаани жичи узен Алдар хаани кобуун уйэин оночин Жангариин туули арбан табун болог. —“Шинжийан – гиин “Шинхува” кэвлэл”. 1980. — 486 с.

Рецензенты:

Басангова Т.Г., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения ФГБУН КИГИ РАН, г. Элиста;

Хабунова Е.Э., д.фил.н., профессор, директор Института калмыцкой филологии и востоковедения ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста.